

МЫСЛЬ ОБ ИСТОРИИ МЫСЛИ: КОГНИТИВНЫЙ ПОРТРЕТ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ АРХЕОЛОГИИ¹

THE IDEA OF THE HISTORY OF THOUGHT: COGNITIVE PORTRAIT OF DEVELOPMENT THE WORLD ARCHEOLOGY

Ирина Владимировна Тункина – доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. E-mail: tunkina@yandex.ru

Irina Tunkina – Doctor Habil. (History), director of the St. Petersburg Branch of RAS Archive

Сергей Павлович Щавелев – доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой философии Курского государственного медицинского университета. E-mail: Sergei-shhavelev@yandex.ru

Sergei Schavelev – doctor of philosophical sciences, doctor on Russian history, professor, chair of the Philosophy Department of Kursk State Medical University. Email: Sergei-shhavelev@yandex.ru

(Рецензия на книгу: *Клейн Л.С.* История археологической мысли. В 2 т. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2011. Т. I. 688 с.; т. II. 624 с.)

гическая (К. Леви-Строс, Б. Малиновский, Г.Д. Гачев и др.); психологиче-

Book review: *Klejn L.S.* Istorija arheologičeskoj mysli. V dvuh tomah. SPb., 2011.

Как известно, превращение традиционной рационалистической теории познания (гносеологии) в современную (постклассическую, нетрадиционную) эпистемологию происходило за последние несколько десятков лет разными путями, в том числе путем ее тематической, смысловой «гибридизации» с отдельными отраслями конкретно-научного знания. Так складывались эпистемология биолого-эволюционная, генетическая (К. Лоренц, Д. Кемпбелл, Г. Фоллмер, Л. Олмейдер, П.В. Симон и др.); социологическая (А. Шюц, М. Полани и др.); антрополого-этноло-

¹ Исследование И.В. Тункинной проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00005а, и РГНФ, проект № 12-01-00008.

ская (Ж. Пиаже, У. Куайн, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.Ф. Теплов и др.); лингвистическая и риторическая (Х. Перельман, С. Тулмин, Р. Харре и др.); эпистемология информатики, проектов искусственного интеллекта (Г.Х. фон Вригт, Б. Гёранзон) и др. Науки исторического цикла внесли свой весомый вклад в эпистемологический дискурс неклассического типа. Разделы о формах мышления, типичных для отдельных эпох прошлого, стали в трактатах Й. Хейзинги, Л. Февра, М. Блока, Ф. Броделя, А.Я. Гуревича и других историков классикой его реконструирования. Теперь материал для эпистемологизирования гуманитарного знания заметно обогатился благодаря выходу в свет рецензируемого двухтомника, посвященного истории археологии, становлению и развитию ее идей, категорий и методов.

Автор этого фундаментального труда – Лев Самуилович Клейн – доктор исторических наук, петербургский профессор на пенсии, но отнюдь не на покое от ученых занятий и общественной деятельности. Человек редкой трудоспособности, Л.С. Клейн – автор двух десятков монографий и свыше 600 статей, в том числе на нескольких европейских языках. Выпускник исторического факультета Ленинградского университета по кафедре археологии, он затем преподавал на этой кафедре, вел раскопки, читал лекции во многих университетах Европы. С годами он широко раздвинул круг своих интересов, получив известность еще и как антропо-

лог, филолог, историк науки, публицист. Мемуары Клейна обобщили его богатейший опыт участия в советской / российской науке и общественной жизни². Проработав в отдельных областях гуманитарной науки более полувека, он всегда уделял пристальное внимание общим проблемам ее теории и истории³.

Археология кроме аргументов по поводу расовых, национальных, религиозных, политических споров предлагает своего рода «интеллектуальное лекарство» для философа, методолога, вообще гуманитария. Размышляя об истории человечества в ее письменные периоды, идеологи испытывают искушение воспарить над документальными источниками, как правило, лакунарными и противоречивыми, пофантазировать о судьбах стран и народов. Более отдаленные, дописьменные и раннеписьменные периоды развития регионального социума интерпретируются в основном с помощью источников вещественных, извлеченных из культурного слоя при раскопках. Здесь философские обобщения, в том числе эпистемологическая рефлексия, ближе привязаны к фактическому материалу, первично обобщенному археологами⁴. Вот где кроется дополнительная (помимо собственно историографической) теоретико-методологическая ценность двухтомника Клейна. Его читатели приобщатся к идейно-теоретической и методологической кухне, лаборатории важного направления гуманитарной мысли и практики.

² См.: *Клейн Л.С.* Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010. 730 с. См. также рецензию на это издание: *Щавелев С.П.* Участие прогрессора // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб.; Красноярск, 2012. С. 193–201.

³ См.: *Klejn L.* A Panorama of Theoretical Archaeology // *Current Anthropology*. 1977. Vol. 18 (1–2); *Клейн Л.С.* Методологическая природа археологии // *Российская археология*. 1992. № 4; *Он же.* Введение в теоретическую археологию. Кн. 1. Метаархеология. СПб., 2004.

⁴ См.: *Щавелев А.С., Щавелев С.П.* Историческая археология: эпистемологический анализ // *Социальная эпистемология: идеи, методы, программы*; под ред. И.Т. Касавина. М., 2010. С. 363–384.

На русском языке это первая работа столь широкого масштаба. Подробно прослежены все этапы становления и развития интереса к вещественным древностям в Европе – от так называемой народной, по духу фольклорной «археологии» до наших дней. Затронуты (хотя и в разной степени) многие субдисциплины науки – от каменных, затем металлических «веков» до «индустриальной», архитектурной археологии Нового и даже Новейшего времени. Направления изучения древностей показаны в тесной связи с их смежными ракурсами: антропологическими, этнологическими, филологическими, искусствоведческими, культурологическими аспектами «выкопанной из земли истории».

Рассмотрение у Клейна удачно сочетает аналитический и синтезирующий подходы: появление и развитие археологических идей увязано не только с контекстными науке социально-экономическими и политическими процессами, но и со складыванием внутринаучных традиций в гуманитаристике, с характерами отдельных исследователей, их личностных особенностей, борьбой научных школ и направлений. Перед читателем разворачивается поистине грандиозная по географической широте и хронологической глубине панорама истории археологической мысли. Десятки биографических очерков, вдумчивый анализ сотен научных работ, множества научных школ, логики их сложения и взаимодействия – вся эта историографическая феноменология, интересная и поучительная сама по себе, сконцентрирована вокруг идейного замысла двухтомника: проследить, понять накопление и смену теорий и методов изучения далекого прошлого человечества. Структура работы отражает борьбу различных течений научной мысли, их взаимосвязи, разные роли в истории гуманитарной науки, наконец,

философскую, в том числе гносеологическую подоплеку всего названного.

Отметим также ценность многочисленных иллюстраций: исключительно полный портретный ряд ученых, живописные и фотоизображения множества «рабочих моментов» на раскопках эталонных памятников, пейзажи и интерьеры полевой и камеральной работы с древностями ярко подчеркивают ключевые моменты изложения. Даже специалисты увидят тут массу редких, а то и впервые репродуцированных образов. Эстетическая феноменология – часто недооцениваемая нами, но важная сторона истории и философии науки.

Издание будет интересно не только археологам и прочим специалистам-гуманитариям, но и философам, вообще интеллектуалам, а в особенности учащейся молодежи – студентам, аспирантам. Принятый в последние годы курс кандидатского минимума по истории и философии науки остро нуждается в такого рода руководствах по отдельным отраслям подготовки молодых ученых. Ведь перед нами не столько академическая монография, сколько удачное, европейского уровня учебное пособие по *когнитивной истории* целой научной дисциплины. Книга выросла из университетских лекций, что, должно быть, предопределило как сильные, так и слабые ее стороны.

Перед читателем предстает исключительно авторский взгляд на многие факты истории науки, хотя их оценки в работе далеко не всегда покажутся обоснованными для специалистов. Эти последние, и археологи, и историки науки, предпочли бы познакомиться с монографией, обладающей солидным научным аппаратом, чтобы по ссылкам иметь возможность проверить источники информации, приводящие к далеко не всегда бесспорным утверждениям автора. Объем двухтомника заметно сократился бы, исключи из него в принципе известные добросовестному студенту-гумани-

рию сведения о влиятельнейших философских направлениях и биографиях их главных представителей.

Хотя в целом работа удалась, она все же не вполне отвечает своему названию: итоговая панорама у автора получилась явно «европо- и американоцентричной» при очевидной сложности и полицентричности всемирной истории археологии. Последнее неизбежно, так как Л.С. Клейн сам принадлежит к петербургской, т.е. европейской культурной традиции. Несмотря на то что любая наука по своей сути интернациональна, в каждой стране она имеет свои национальные черты. Этот последний тезис 100 с лишним лет назад ярко раскрывали на материале естествознания И.П. Павлов⁵, П. Дюгем⁶, В.И. Вернадский⁷. Прежде всего вызывает удивление почти полное игнорирование Л.С. Клейном вклада русской дореволюционной науки в развитие мировой археологической мысли. Возможно, это отчасти объясняется тем, что автор уже подготовил к печати очерки истории отечественной науки – историю российской археологии в лицах.

Между тем информационное пространство европейской науки, в которое с начала XVIII в. была включена Россия, вплоть до середины 1920-х гг. было единым. Большинство профессиональных русских ученых стажировались в западноевропейских университетах или науч-

ных центрах, участвовали в международных научных форумах, перенимали научный опыт коллег в области полевых и кабинетных практик.

Включенность в мировой научный контекст демонстрирует и тот факт, что к концу XIX – началу XX в. многие зарубежные специалисты, занимавшиеся изучением территории Евразии, принимали участие в раскопках, во всероссийских археологических съездах и международных конгрессах, проводившихся в пореформенной и предреволюционной России с завидной периодичностью, представительностью и результативностью. Как говорил В.И. Вернадский, русской наукой были «изучены пространства много большие той шестой части земной поверхности, которая в первую очередь выпала на нашу историческую долю». Археологические исследования в Северном Причерноморье, на Балканах, Кавказе, Урале и в Сибири вплоть до Забайкалья и Камчатки, в Малой, Средней и Центральной Азии открыли науке неизвестные ранее «культурные миры», и немаловажную роль в этом сыграла русская наука⁸. Уже со второй половины XIX в. ее высшие достижения достигли уровня, вполне сравнимого с европейским, однако он остался недостаточно признан мировым научным сообществом: слишком велик оказался тогда – как и сегодня – языковой барьер. Средства-

⁵ См.: Павлов И.П. Об уме вообще и русском в частности. СПб., 1918.

⁶ См.: Дюгем П. Физическая теория, ее цель и строение. СПб., 1910.

⁷ Вернадский В.И. Труды по истории науки; отв. ред. Ф.Т. Яншина и С.Н. Жидовинов. М., 2002.

⁸ См.: Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986; Щавелев С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоковсова. Курск, 1998; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002; Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Т. 1–2. СПб., 2009; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010; Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX в.). М., 2011; Тихонов И.Л. История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге (XVIII – первая четверть XX в.); автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2013.

ми археологии русские ученые обогатили науку новым конкретным знанием и интенсифицировали изучение многих явлений древности. Именно в трудах дореволюционных отечественных антиковедов, византинистов, востоковедов, славяноведов, вынужденных постоянно ставить и решать проблему культурного синтеза в контексте взаимодействия сменявших друг друга культур, были сформулированы культурно-исторические концепции, раскрывшие роль евразийского пространства в мировом историческом процессе, созданы модели взаимодействия варварских культур с древними и средневековыми цивилизациями Запада и Востока. Сама постановка проблемы культурной интерференции и синтеза стала наиболее существенным вкладом нашей науки в гуманитарное знание XX в. Поэтому ограничивать вклад русской науки в мировую археологию исключительно трудами двух-трех ученых в лице всемирно известных мощных и масштабных фигур «комбиницианистов» Н.П. Кондакова и М.И. Ростовцева (том 1), а также советских стадиалистов и марксистов (том 2), на наш взгляд, некорректно. Читателю не всегда понятны критерии отбора Л.С. Клейном отдельных персоналий, их трудов, а также отнесение к тем или иным направлениям гуманитарной мысли и даже «национальным квартирам», ведь учениками и последователями тех же Кондакова и Ростовцева являлись представители многих стран мира.

Соответственно давно ожидаемая книга Л.С. Клейна – история российской археологии в лицах – должна стать исследованием, в котором русская наука последовательно рассматривается на фоне мировой. Ведь историография – это история не только книг, идей, но

прежде всего людей, ученых, анализ их научного творчества в контексте времени. Клейн не только прекрасно знает европейскую и американскую историографию, но и дает ей трезвые, взвешенные оценки. Его задачей должен стать объективный показ достижений, заблуждений и ошибок отечественных ученых, но без преувеличения или преуменьшения их заслуг. Клейн с равным интересом относится как к вопросу о рецепции западных идей, так и к проблеме своеобразия нашей историографии, тесно связанной с особенностями развития страны – европейской, но, во-первых, стоящей отчасти в стороне от политических, национальных и конфессиональных конфликтов, которые неизбежно нашли отражение в трудах западноевропейских археологов, и, во-вторых, испытавшей огромное влияние общественно-политических и социальных катаклизмов, обрушившихся на Россию.

Очевидно, что в любой науке, тем более в археологии, объединяющей идеи и методики естественных и социогуманитарных дисциплин, представления насчет объекта и предмета исследования, методов полевой и кабинетной работы существенно менялись от эпохи к эпохе. Поэтому мы должны принять как данность, что «научная картина мира» антиквариев и археологов, живших в прошлых столетиях, кардинально отлична от взглядов ученых начала XXI в. Следовательно, в историографических обзорах следует отказаться от навязчивого подчеркивания несовершенства методики раскопок и ошибочности теоретических представлений предшественников – поза разоблачителя науки прошлого для историка науки просто неуместна⁹. Все научные практики, и эмпирические, и тео-

⁹ Тункина И.В. История отечественной археологии на современном этапе: Антропологический поворот // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. СПб., 2010. С. 62–72.

ретические, так или иначе отражают уровень развития научного знания на определенном историческом этапе и постоянно совершенствуются. В процессе формирования, а вместе с тем и размывания дисциплинарных границ археологии и смежных с ней отраслей познания любительский антиквариат – коллекционерство и знаточество XVIII – первой половины XIX в. – создали базу для профессионализации науки и дифференциации дисциплин историко-филологического цикла уже в XIX – начале XX в., когда ткань «науки о древностях», развивавшейся с эпохи Возрождения, оказалась расплетена на отдельные нити.

На наш взгляд, главный вывод из чтения панорамной книги Л.С. Клейна состоит в том, что уровень развития историко-научных исследований позволяет создать не только обобщающий очерк истории отечественной археологии в портретах ее главных представителей, но и обзоры становления и развития отдельных разделов науки, присущих именно им исследовательских практик и междисциплинарных связей. Современная археология приобрела сложный, дифференцированный характер и включает в себя целый ряд субдисциплин диахронного и синхрогеографического планов. Все они отлича-

ются как по предмету исследования, так и масштабу, географическому ареалу полевых работ. Это приводит к различию в научных концепциях и разному пониманию самого предмета науки, что нашло отражение в дискуссиях, до сих пор ведущихся внутри археологического сообщества. Каждый из разделов археологии имеет собственную историю и свои взаимосвязи с другими дисциплинами или субдисциплинами как естественно-научного, так и историко-филологического цикла. Поэтому закономерно появление и других «историй археологической мысли» – не всемирного масштаба, а более или менее узких фрагментов научной картины развития археологических субдисциплин. Такие историографические проекты под силу специалистам по соответствующим древностям, которые знают весь спектр проблематики своего раздела археологии, что называется, изнутри. Разумеется, их знакомство с достижениями смежных наук, в том числе современной теории познания – эпистемологии – более чем желательно.

Можно с уверенностью сказать, что уникальная по охвату материала и написанная блестящим литературным языком книга Л.С. Клейна возбудит у его младших коллег интерес к истории и теории археологического знания.